

© 2025. А. А. Юдахин, иерей

Общецерковная аспирантура и докторантура
им. св. равноап. Кирилла и Мефодия
г. Москва, Россия

Проблема историософского подтекста в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»

Аннотация: Статья посвящена анализу историософского подтекста комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», посвященного реформам Петра Великого их последствиям. Заложенная в сюжетную основу произведения идея конфликта имеет помимо локального (судьба Чацкого и его окружения) также и глобальное претворение: противопоставление России и Запада. Концептуальная дешифровка «текста в тексте» комедии — речи Чацкого в конце III действия, позволяет более глубоко осмыслить те фундаментальные противоречия, которые породили петровские реформы. Секуляризация, десаκραлизация общественной жизни и быта, отказ от русской мессианской исторической парадигмы, европоцентризм элит и, как следствие, разделение русского общества на образованное европеизированное «общество» и неграмотный православный «народ» — все эти аспекты ретроспективно осмысляются в комедии. Трагическое несоответствие внешних форм и внутреннего содержания жизни пореформенной Российской империи, обозначенное О. Шпенглером как «исторический псевдоморфоз», составляет одно из главных смысловых измерений бессмертного произведения русского поэта.

Ключевые слова: А. С. Грибоедов, «Горе от ума», петровские реформы, Россия, Запад, европоцентризм, историософия, мессианство.

Информация об авторе: Артем Александрович Юдахин, иерей, кандидат филологических наук, Общецерковная аспирантура и докторантура им. св. равноап. Кирилла и Мефодия, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1, 115035 Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4552-859X>

E-mail: Artemyudakhin@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 27.04.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 17.08.2025

Дата публикации статьи: 25.12.2025

Для цитирования: Юдахин А. А. Проблема историософского подтекста в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 4. С. 74–89. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-4-74-89>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 4, 2025, pp. 74–89. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 4, 2025, pp. 74–89. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Artem A. Yudakhin, priest
Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies
Moscow, Russia

The Issue of Historiosophical Subtext in A. S. Griboyedov's Comedy *Woe from Wit*

Abstract: This article analyzes the historiosophical subtext of A. S. Griboyedov's comedy *Woe from Wit*, which explores the reforms of Peter the Great and their consequences. The idea of conflict, embedded in the work's plot, has not only a local dimension (the fate of Chatsky and his entourage) but also a global one: the juxtaposition of Russia and the West. A conceptual decipherment of the comedy's "text within a text" — Chatsky's speech at the end of Act III — allows for a more profound understanding of the fundamental contradictions that gave rise to Peter the Great's reforms. Secularization, the desacralization of public life and everyday life, the rejection of the Russian messianic historical paradigm, the Eurocentrism of the elites, and, as a result, the division of Russian society into an educated, Europeanized "society" and an illiterate, Orthodox "people" — all these aspects are retrospectively explored in the comedy. The tragic discrepancy between the external forms and internal content of life in the post-reform Russian Empire, designated by O. Spengler as a "historical pseudomorphosis," constitutes one of the main semantic dimensions of the immortal work of the Russian poet.

Keywords: A. S. Griboyedov, *Woe from Wit*, Peter's reforms, Russia, West, Eurocentrism, historiosophy, Messianism.

Information about the author: Artem A. Yudakhin, priest, PhD in Philology, Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies, Piatnitskaia St., 4/2, bld. 1, 115035 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4552-859X>
E-mail: Artemyudakhin@yandex.ru

Received: April 24, 2025

Approved after reviewing: August 17, 2025

Published: December 25, 2025

For citation: Yudakhin, A. A. "The Issue of Historiosophical Subtext in A. S. Griboyedov's Comedy *Woe from Wit*." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 4, 2025, pp. 74–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-4-74-89>

Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1825) обессмертила имя автора и приобрела всемирную известность. Гений Грибоедова проявился не только в красоте и слаженности русской речи, но и в тех вневременных интуициях и смысловых посылах, которые автор предлагает читателю. Как известно, основу художественной структуры образа Чацкого, равно как и всей сюжетной композиции комедии, составляет идея конфликта в различных его вариациях — человека и общества, личности и коллектива, «внутреннего» и «внешнего» человека, «века нынешнего» и «века минувшего», чувства и долга, сердца и ума и пр. Вместе с тем, конфликтология «Горя от ума» не ограничивается лишь событийным и историческим пластами — в комедии, пусть и в «свернутом» виде, присутствует также важная историософская полемика, которая базируется на метафизических предпосылках.

В связи с этим обратим внимание на концептуально значимый фрагмент комедии, представляющий собой своеобразный «текст в тексте». В предложенном нами ракурсе (история — историософия — метафизика) данный отрывок будет рассмотрен впервые.

Речь идет о монологе «безумного» Чацкого в самом конце III действия. Герой делится своими впечатлениями и размышлениями с гостями, прибывшими на званый вечер в дом Фамусовых. Приведем этот отрывок полностью, выделяя курсивом и жирным шрифтом ключевые фразы:

В той комнате незначаящая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал — и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица

Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;

Своя провинция. — Посмотришь, вечером

Он чувствует себя здесь маленьким царьком;

Такой же толк у дам, такие же наряды...

Он рад, но мы не рады.

Умолк. И тут со всех сторон

Тоска, и оханье, и стон.

Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —

Решили две княжны, сестрицы, повторяя

Урок, который им из детства натвержен.

Куда деваться от княжен! —

Я одадь воссылал желанья

Смирненные, однако вслух,

Чтоб истребил Господь нечистый этот дух

Пустого, рабского, слепого подражания;

Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,

Кто мог бы словом и примером

Нас удержать, как крепкою вожжей,

От жалкой тошноты по стороне чужой.

Пускай меня объявят старовером,

Но хуже для меня наш Север во сто крат

С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад —

И нравы, и язык, и старину святую,

И величавую одежду на другую

По шутовскому образцу:

Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,

Рассудку вопреки, наперекор стихиям;

Движенья связаны, и не краса лицу;

Смешные, бритые, седые подбородки!

Как платья, волосы, так и умы коротки!..

Ах! если рождены мы все перенимать,

Хоть у китайцев бы нам несколько занять

Премудрого у них незнания иноземцев.

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?

Чтоб умный, бодрый наш народ

Хотя по языку нас не считал за немцев.

«Как европейское поставить в параллель

С национальным — странно что-то!
Ну как перевести мадам и мадмуазель?
Ужли сударыня!!» — забормотал мне кто-то.
Вообразите, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.
«Сударыня! Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! Ха! Ха! ха! ха! ужасно!» —
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый;
Но все оставили меня. —
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург — во всей России то,
Что человек из города Бордо,
Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжен вселять участие;
И в Петербурге и в Москве,
Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей по несчастью голове
Пять, шесть найдется мыслей здравых
И он осмелится их гласно объявлять, —
Глядь... (Курсив мой. — А. Ю.) [Грибоедов: 104–106].

Столкновение Чацкого с «французиком из Бордо» провоцирует героя на развернутую отповедь в адрес заезжего европейца и его поклонников. Правы исследователи, отмечая, что «“Горе от ума” имеет поистине огромный семантический потенциал» [Перзек: 538]. Данное наблюдение особенно актуально в отношении приведенного фрагмента. Представленный текст буквально насыщен явными и неявными отсылками, ведущими и дополнительными смысловыми нагрузками, образующими общий концептуальный код фрагмента, который внимательный читатель дешифрует без труда. Дело в том, что определяющим пафосом произведения является *пафос патриотический*, и, как отмечает Е. Л. Райхлина, в комедии А. С. Грибоедов «сформулировал идею национальной самостоятельности русского народа и отверг мысль о подчинении России европейскому влиянию» [Райхлина: 587]. Контровверза Россия/Европа является не столько фоном разворачивающейся трагедии взаимного неприятия Чацкого и светского общества,

сколько его основной и глубинной первопричиной. Историческая и историософская проблематика фундирует и обуславливает проблематику личных взаимоотношений героев, каждый из которых оказывается перед извечным вопросом русской культуры: «Что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба?» [Шмеман: 20].

Если рассматривать приведенный отрывок не в строго текстуальной, а в логико-смысловой последовательности, можно выстроить следующий ход мыслей Чацкого-Грибоедова. Центральным, хоть и не упомянутым напрямую персонажем филиппики Чацкого, на самом деле, является царь-реформатор Петр I. Петровские реформы, равно как и сам царь — явления крайне противоречивые. Вынося за скобки дискуссию о петровских преобразованиях (в т. ч. диаметрально противоположные оценки преобразовательной деятельности государя), обратимся к историософской подоплеке и последствиям реформ.

Как верно отмечает прот. Г. Флоровский, новизна петровских реформ заключалась вовсе не в изменениях внешнего порядка и устройства государства, «не в западничестве, но в секуляризации <...> именно в этом реформа Петра была не только поворотом, но и переворотом» [Флоровский: 113]. Упразднение института патриаршества в 1721 г., фактическое подчинение Русской Церкви государству, а точнее ее включение в государственные структуры в качестве одного из ведомств, подчиненных императору, зафиксированное в «Духовном регламенте» 1721 г., десакрализация быта царя и его подчиненных, нарочитый антиклерикализм — все эти меры, разрушавшие самые основы православной политической теории (симфония властей, теоцентризм, религиозная легитимация и сакрализация власти), привели к созданию самодовлеющего и самодостаточного «полицейского государства» Петра Великого. Прот. Г. Флоровский поясняет содержание подобного определения: «“Полицеизм” есть замысел построить и “регулярно сочинить” всю жизнь страны и народа, всю жизнь каждого отдельного обывателя, ради его собственной и “общей пользы” или “общего блага”» [Флоровский: 115]. В этом подлинный смысл секуляризации — вытеснение и игнорирование сакральных императивов как в культурной, так и в общественно-политической жизни государства. Государь и государство перестают восприниматься как служители Божии (персональный или коллективный), но как субъекты, интересы которых определяет всеохватывающий и всепроникающий утилитар-

ризм. А. Безансон особо выделяет эту радикальную переменную, произошедшую в умах правителя и его сподвижников: «Высшая инстанция уже не христианская космология и даже не почитаемая диада Святая Русь — Святой Царь, а Россия — государство и Император» [Безансон: 102]. Современный отечественный историк А. Боханов подтверждает наблюдение французского исследователя: «Святорусский идеал подменялся и заменялся секулярной идеей Великой России. Понятие “цель жизни” наполнялось светским, внецерковным содержанием. В сознании власть имущих место “Святой Руси” занимали категории иного порядка: “польза Отечества”, “величие Империи”, “слава России”» [Боханов: 299].

Подобная демегафизация и десакрализация *modus vivendi* российского государства, содержания и цели его исторического бытия, радикальным образом изменили и его историософию. Как было сказано, идеал Святой Руси был заменен образом «регулярного государства», вошедшего в семью европейских монархий. Претензии московских государей на особое *мессианское призвание* Русской земли, своими корнями уходящее в концепции «Руси – Нового Израиля» и «Москвы – Третьего Рима» было отвергнуто. Согласно замечанию П. Н. Воге, если раньше на Руси «мечтали о “Третьем Риме”, о скрывающейся в Москве жене Апокалипсиса, то теперь Россия превратилась в европейскую сверхдержаву, интересы которой были направлены на политику, торговлю, армию и западную культуру» [Воге: 140]. Фундаментальные смыслообразы русского бытия без сожаления предавались забвению. Если люди Московского царства считали себя «избранным народом» [Бердяев: 13], в перманентном противостоянии с Западом оберегающим «правую веру», то Петр I, наоборот, мыслил империю как «динамическое локальное государство, составной элемент европейской системы» [Пайпс: 82]. Ключевое слово в данной формулировке А. Тойнби на наш взгляд — «локальное». Одно из противоречий петровских реформ заключается в том, что не столько государь «в Европу прорубил окно» («Медный всадник» А. С. Пушкина), сколько, наоборот, через него Европа открыла для себя доселе невозможный беспрепятственный доступ в Россию. Запущенный Петром процесс *вестернизации* России привел к постепенному стиранию границ между Россией и Европой, Западом и Востоком: «Государство, которое простирается от Беренгова пролива до Хиндукуша, было “европеизировано” в такой

степени, что различий между городами, скажем, в Ирландии и Португалии и в Туркестане или на Кавказе в начале XX в. почти не имелось» [Голосенко, Султанов: 46]. Россия становится ничем иным, как *locus Eurorae*, причем не только в географической, но и в ментально-культурной категориях. Неслучайно поэтому французик из Бордо открывает Россию лишь как «свою провинцию», и именно провинцию.

Вслед за смещением историософского центра бытия на Запад происходит *провинциализация* России и русского сознания. Кроме того европеизация имеет свою логику, в рамках которой выстраивается четко прослеживаемая парадигма метрополия — колония. Соответственно вестернизовавшиеся Российская империя, Османская империя, Китай или же Япония всегда рассматривались именно как колонии западного влияния, варварские государства, которые Западу необходимо «цивилизовать» (ср. «бремя белого человека» Р. Кипплинга). Колониальную туземную ментальность возвращали вполне сознательно:

Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержен [Грибоедов: 105].

Европеизированная петровская элита, «птенцы гнезда Петрова» одновременно проживали и переживали два взаимосвязанных процесса: стремительное дистанцирование от собственного народа и резкое сближение с европейскими элитами по образу жизни и мысли. Пренебрежение Церковью, отвержение ее идеалов провели четкую и ощутимую разделительную черту между «обществом» и «народом», о чем весьма точно писал В. О. Ключевский: «Боярин и холоп неодинаково ясно понимали вещи, неодинаково твердо знали свой житейский катехизис; но они черпали свое понимание из одних и тех же источников, твердили один и тот же катехизис и потому хорошо понимали друг друга, составляли однородную нравственную массу, если позволительно так выразиться. Западное влияние разрушило эту цельность» [Ключевский: 13]. «Поляризация душевного бытия России» [Флоровский: 114], ставшая прямым следствием петровских преобразований, привела к тому, что, по словам Чацкого, народ принимал русских аристократов «за немцев», в том числе из-за того, что языком общения в кругах элиты являлся французский и, позднее, английский языки. Владимир Лен-

ский «с душою прямо геттингенской» [Пушкин 1986. 2: 210] и Татьяна Ларина, писавшая письмо Онегину на французском, поскольку «выражалась с трудом на языке своем родном» [Пушкин 2: 234] — фигуры вполне типологические, отражающие в себе реалии исторического контекста рубежа XVIII–XIX столетий. Герой комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир», заявлявший, что тело его родилось в России, однако дух «принадлежит короне французской» [Фонвизин 1: 21], также вписывается в общий ряд характерных персонажей эпохи. Позднее Ф. М. Достоевский в черновых набросках к роману «Бесы» резюмирует: «Весь верхний слой России кончили тем, что переродились в немцев, и оторвавшиеся кончили любовью к немцам и презрением и ненавистью к своим» [Достоевский 1974. 11: 112].

Следующий пассаж Чацкого требует отдельного комментария:

Пушкay меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад —
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу [Грибоедов: 105].

Упоминание «староверия» неслучайно, оно включает в себя целый комплекс смысловых отсылок. Отвержение Петром I «нравов, языка и старины святой» воспринималось в народе как предательство «русской души», предательство религиозного и метафизического порядка: староверы именовали государя не иначе, как антихристом. И принудительное бритье бород, перемена одежды играли важную роль в возникновении подобных интуиций. Следует помнить, что в Московской Руси европейцы-иноверцы устойчиво воспринимались как «разносчики ересей» [Дельвиг: 28], общение с которыми оскверняло православного христианина. Прот. Г. Крылов, исследуя духовность и менталитет Русского Средневековья, отмечает господство целостного, холистического взгляда на человека и мир, в связи с чем «духовная скверна переживалась физиологически, физиологическая — духовно» [Крылов: 80].

Общение и прикосновение к европейцам поэтому воспрещалось и строго порицалось, почему иностранцы и сетовали на то, что «местные жители относились к ним, “как к собакам или змеям”, не подавали руки,

дабы избежать прикосновения иноверцев» [Лабутина: 34]. Сосуды, из которых ели иноверцы, разбивались и выбрасывались. Из помещений, в которых останавливались на постой иноверцы, выносили иконы, или же заново освящали их после отъезда иностранцев. Поселяли иностранцев за городской чертой, браки с ними запрещались (кроме случаев перехода иноверца в православную веру), равно как и посещение иноверцами православных храмов. Иностранцам запрещалось носить русское платье, в связи с чем особый символизм имеет вестиментарный аспект реформ Петра I. Дело в том, что иноверцы, язычники и еретики появлялись в книжной миниатюре, на фресках и на иконах прежде всего как «слуги дьявола: враги истины, преследователи праведников и узники преисподней» [Антонов, Майзульс: 72]. В XVII столетии инфернализация иноверцев-европейцев достигает особого размаха. Во многих храмах на фресках Страшного Суда (традиционно — на западной (sic!) стороне храма) среди злодеев и грешников регулярно появляются европейцы в камзолах, широкополых шляпах и кружевных воротниках. Ученые отмечают, что в сознании простого народа эти приметы инославного Запада «сами по себе воспринимаются как знаки иноверия и служения злу» [Антонов, Майзульс: 73]. Перемена русского платья на «заморское» при Петре I оценивалась русским народом соответственно как акт кощунства и святотатства. «Шутовской образец» европейской одежды вовсе не смешон, равно как не смешны «смешные бритые, седые подбородки» — бритье бород на Руси строго воспрещалось Церковью (Номоканон, Стоглавый собор 1551 г.) и уравнивалось с самооскоплением. Поэтому реплика Чацкого о перемене одежд имеет свой духовный подтекст:

Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки! [Грибоедов: 105].

Бесоподобие («хвост сзади», «бритые подбородки») образа царевых слуг вписывается в общую модель восприятия царя-антихриста и его «поганных» реформ. Большое значение в этом смысле имеет религиозная фразеология исследуемого нами фрагмента, также формирующая

метафизический пласт речи Чацкого. Открывают подобную фразеологию слова Чацкого из самого начала комедии: «Как с ранних пор привыкли верить мы, что нам без немцев нет спасенья!» [Грибоедов: 26]. «Нечистый дух слепого подражания», требующий исцеления, за которым должно последовать «воскресение» от «чужевластья мод» — все это религиозное словоупотребление на наш взгляд неслучайно и указывает на сверхъестественное (Божественное и демоническое) измерение петровских реформ и их последствий. Только Господь может избавить русский народ от «нечистого духа» западнизма (термин А. А. Зиновьева). Схожие мотивы звучат в словах одного из литературных героев старшего современника Грибоедова — политика, писателя и публициста Ф. В. Ростопчина: «Господи помилуй! да будет ли этому конец? долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: “Сгинь ты, дьявольское наваждение! ступай в ад или восвойся, все равно, — только не будь на Руси”» [Ростопчин: 420].

Секуляризация, отвержение православно-мессианского призвания, веры, отеческих преданий и языка отцов, разрыв аристократии с простым народом — все эти факторы (исторический, историософский и метафизический) свидетельствовали о глубоком кризисе, поразившем Россию в Петровскую эпоху. Исследователи, комментируя итог петровских реформ, отмечают: «Внешняя сторона петровства скрывает внутреннюю его судьбу. Оно было и осталось чужеродным телом в русскости. В действительности имелась не одна Россия, а две, — видимая и истинная, официальная и тайная» [Голосенко, Султанов: 46]. Европоцентризм элит и их дистанцирование от народа — носителя традиций допетровской Руси («русской души») — привели образованное «общество» к потере собственной идентичности, субъектности и возникновению стойкой зависимости от Запада. Уже упоминавшийся нами Достоевский отмечает в начале 1870-х гг.: «Никто не знает себя на Руси. Просмотрели Россию. Особенность свою познать не можем и к Западу самостоятельно отнестись не умеем» [Достоевский 1974. 11: 66].

Одну из самых точных характеристик петровских реформ, коррелирующих с содержанием речи Чацкого, дал немецкий историософ и культуролог О. Шпенглер в фундаментальном исследовании «Закат Европы» (1918; 1922). Заимствуя из геологии и минералогии описание процесса образования кристалла на месте пустот внутри скальной по-

роды, именуемого «псевдоморфозом», Шпенглер экстраполирует его на историко-культурную область. Кристалл представляет собой «поддельную форму <...> чья внутренняя структура противоречит внешнему строению» [Шпенглер 2: 193] скалы, он есть «род каменной породы, являющийся в чужом обличии» [Шпенглер 2: 193]. В исторической проекции псевдоморфоз являет себя в тех ситуациях, когда «чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот — ее родной, не в состоянии задышать полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания» [Шпенглер 2: 193]. Иными словами, исторический псевдоморфоз как явление есть процесс и результат деструктивного взаимодействия несоответствующих друг другу формы и содержания предмета (историко-культурная, идейная парадигма). Обращаясь к российскому историческому контексту, Шпенглер обозначал весь период императорской России (XVIII–XX вв.) как затяжной псевдоморфоз, порожденный масштабными реформами Петра Великого.

«Ум с сердцем не в ладу» — эти слова Чацкого, на самом деле, диагностируют не столько положение самого героя, сколько всей постпетровской России, дворянства, оторвавшегося от русской «почвы» — в этом Грибоедов предвещает не только славянофилов, но и Достоевского — главного обличителя русского западнизма в отечественной литературе. Интересно, что сам Чацкий является частью дворянского аристократического сообщества и именно в таком статусе отвергает западнизм элит. Нашествие Наполеона и Война 1812 г., казалось бы, должны были вразумить русское общество и отвратить от бездумного подчинения «чужевластью мод». Однако вслед за галломанией в Российской империи восторжествовали англomanия, а потом и германофилия. Эта мимикрия под Запад достигла таких печальных масштабов, что святитель Феофан Затворник вынужден был в 1887 г. констатировать следующее: «Нас увлекает просвещенная Европа... <...> Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят и к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся как помешанные, сами себя не помня. Но припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее. А теперь, кажется, начал уже забы-

ваться тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет; а если не опомнимся, кто весть, может быть, опять пошлет на нас Господь таких же учителей наших, чтоб привели нас в чувство и поставили на путь исправления» [Святитель Феофан Затворник: 453–454].

Подводя итог вышесказанному, выделим ряд тезисов, относящихся к концептуальному содержанию комедии «Горе от ума». Прежде всего, отметим, что текст комедии содержит в себе глубокий историософский подтекст, наиболее ярко выраженный в исследованном нами фрагменте — речи Чацкого в финале III действия. Историософский смысловой пласт представлен не изолированно, но в сопряжении с образующими его аспектами — историческим и метафизическим. Именно через призму подобного тройственного взгляда (история — историософия — метафизика) Чацкий-Грибоедов оценивает важнейшую веху в истории России — петровские реформы. Оценка эта в целом носит отрицательный характер, поскольку насаждаемые сверху процессы секуляризации и вестернизации спровоцировали глубокий раскол в русском обществе на европеизированную элиту и простой народ, продолжавший жить заветами и идеалами Московской Руси. Исторический псевдоморфоз (О. Шпенглер) как результат петровских реформ стал тем трагическим явлением русской жизни, которое отразил и проблематизировал А. С. Грибоедов в своей бессмертной комедии.

Список литературы

Источники

- Грибоедов А. С. Горе от ума. М.: Наука, 1987. 478 с.
Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Наука, 1974. Т. 11: Бесы. Рукописные редакции. 417 с.
Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2: Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. 527 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. 704 с.
Святитель Феофан Затворник. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. М.: Типо-литография И. Ефимова, 1897. 456 с.
Фонвизин Д. И. Бригадир // Фонвизин Д. И. Собр. соч.: в 2 т. М., Л.: Худож. лит., 1959. Т. 1. 632 с.

Исследования

- Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Анатомия ада: Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии. М.: НЕОЛИТ, 2020. 264 с.
Безансон А. Убиенный царевич: Русская культура и национальное сознание: закон и его нарушение. М.: Мик, 1999. 216 с.
Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2016. 320 с.
Боханов А. Н. Русская идея. М.: Проспект, 2024. 576 с.
Воге П. Н. Россия другая. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 358 с.
Голосенко И. А., Султанов К. В. Культурная морфология О. Шпенглера о «ликах России» // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 3. С. 43–54.
Дельвиг В. С. Отношение светской и духовной власти Московской Руси к инославным и Западной Европы во времена становления самодержавия // Общество. Среда. Развитие (terra Humana). 2011. № 3. С. 28–32.
Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. Западное влияние в России после Петра. М.: Наука, 1983. 420 с.
Крылов Г., прот. Понятие «скверна» («погань») в Средневековой Руси и в современном старообрядчестве // Религия как знаковая система: Знак. Ритуал. Коммуникация: сб. научных ст. Тверь: Изд-во ГЕРС, 2011. Вып. I. 154 с.
Лабутина Т. Л. «Свои» и «чужие» в имеджинологии: ксенофобия в англо-русских отношениях XVI–XVIII веках // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2011. № 31. С. 32–51.
Пайс Р., Тойнби А., Фукуяма Ф. Россия — тысяча лет одиночества: сборник. М.: Родина, 2024. 304 с.
Перзеке М. Ю., Перзеке А. Б. Семантика «Иного Царства» в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» // А. С. Грибоедов: Русская и национальные литературы. Ереван: Издательский дом Лусабац, 2015. 759 с.
Райхлина Е. Л. О патристической составляющей в творчестве А. С. Грибоедова // А. С. Грибоедов: Русская и национальные литературы. Ереван: Издательский дом Лусабац, 2015. 759 с.

Флоровский Г. В., *прот.* Пути русского богословия. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. 848 с.

Шмеман А., *протопресв.* Основы русской культуры: Беседы на Радио Свобода. 1970–1971. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2017. 416 с.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с.

References

Antonov, D. I., and M. R. Maizul's. *Anatomiia ada: Putevoditel' po drevnerusskoi vizual'noi demonologii* [*Anatomy of Hell: A Guide to Old Russian Visual Demonology*]. Moscow, NEOLIT Publ., 2020. 264 p. (In Russ.)

Bezanson, A. *Ubiennyi tsarevich: Russkaia kul'tura i natsional'noe soznanie: zakon i ego narushenie* [*The Murdered Tsarevich: Russian Culture and National Consciousness: The Law and Its Violation*]. Moscow, Mik Publ., 1999. 216 p. (In Russ.)

Berdiaev, N. A. *Russkaia ideia* [*The Russian Idea*]. St. Peteraburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2016. 320 p. (In Russ.)

Bokhanov, A. N. *Russkaia ideia* [*The Russian Idea*]. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 576 p. (In Russ.)

Voge, P. N. *Rossia drugaia* [*The Other Russia*]. Moscow, Tsentр gumanitarnykh initsiativ Publ., 2022. 358 p. (In Russ.)

Golosenko, I. A., and K. V. Sultanov. "Kul'turnaia morfologiia O. Shpenglera o 'likakh Rossii.'" ["Spengler's Cultural Morphology on the 'Faces of Russia.""] *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, no. 3, 1998, pp. 43–54. (In Russ.)

Del'vig, V. S. "Otnoshenie svetskoi i dukhovnoi vlasti Moskovskoi Rusi k inoslavnym i Zapadnoi Evropy vo vremena stanovleniia samoderzhavii" ["The Attitude of the Secular and Spiritual Authorities of Muscovite Rus' Towards Heterodox and Western Europe during the Establishment of Autocracy"]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (terra Humana)*, no. 3, 2011, pp. 28–32. (In Russ.)

Kliuchevskii, V. O. *Neopublikovannye proizvedeniia. Zapadnoe vliianie v Rossii posle Petra* [*Unpublished Works. Western Influence in Russia after Peter the Great*]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 420 p. (In Russ.)

Krylov, G., archpriest. "Poniatie 'skverna' ('pogan') v Srednevekovoi Rusi i v sovremennom staroobriadchestve" ["The Concept of 'Filth' ('Pollution') in Medieval Rus' and in Modern Old Believers"]. *Religiia kak znakovaia sistema: Znak. Ritual. Kommunikatsiia: sbornik nauchnykh statei* [*Religion as a Sign System: Sign. Ritual. Communication. Collection of Scientific Articles*], issue 1. Tver, GERS Publ., 2011. 154 p. (In Russ.)

Labutina, T. L. "'Svoi' i 'chuzhie' v imedzhinologii: ksenofobiia v anglo-russkikh otnosheniakh XVI–XVIII vekakh" ["'Ours' and 'Strangers' in Imagination: Xenophobia in Anglo-Russian Relations in the 16th–18th Centuries"]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*, no. 31, 2011, pp. 32–51. (In Russ.)

Paips, R., A. Toinbi, and F. Fukuiama. *Rossia — tysiacha let odinochestva: sbornik* [Russia: A Thousand Years of Solitude: A Collection]. Moscow, Rodina Publ., 2024. 304 p. (In Russ.)

Perzeke, M. Iu., and A. B. Perzeke. “Semantika ‘Inogo Tsarstva’ v komedii A. S. Griboedova ‘Gore ot uma.’” [“The Semantics of the ‘Other Kingdom’ in A. S. Griboyedov’s Comedy ‘Woe from Wit.’”] *A. S. Griboedov: Russkaia i natsional’nye literatury* [A. S. Griboyedov: Russian and National Literatures]. Yerevan, Lusabats Publ., 2015. 759 p. (In Russ.)

Raikhlina, E. L. “O patrioticheskoi sostavliaiushchei v tvorchestve A. S. Griboedova” [“On the Patriotic Component in the Works of A. S. Griboyedov”]. *A. S. Griboedov: Russkaia i natsional’nye literatury* [A. S. Griboyedov: Russian and National Literatures]. Yerevan, Lusabats Publ., 2015. 759 p. (In Russ.)

Florovskii, G. V., archpriest. *Puti russkogo bogosloviia* [Paths of Russian Theology]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2009. 848 p. (In Russ.)

Shmeman, A., archpriest. *Osnovy russkoi kul’tury: Besedy na Radio Svoboda. 1970–1971* [Foundations of Russian Culture: Conversations on Radio Liberty. 1970–1971]. Moscow, St. Tikhon Orthodox University for Humanities Publ., 2017. 416 p. (In Russ.)

Shpengler, O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History]. Moscow, Mysl’ Publ., 1998. 606 p. (In Russ.)